

Саттарова З.М. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОМОНИМОВ В РЕЗУЛЬТАТЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЛОВА (на материале крымскотатарского языка)

Как и во многих других тюркских языках, в крымскотатарском языке ряд омонимов образуется в результате семантического распада одной лексемы на несколько омонимических единиц. Семантические изменения более многочисленны и разнообразны, чем изменения фонетические. Изменение семантики слова связано как с появлением новых значений, так и с отмиранием старых. При этом новые значения могут возникать на основе одного и того же исходного значения (“радиация”), а могут развиваться последовательно одно из другого (“катенация”). Чаще всего в истории семантического развития того или иного конкретного слова сочетаются оба эти процесса [12, с.96].

В.В. Виноградов указывал, что “вопрос о путях и возможностях семантического словообразования чрезвычайно важен для исторической лексикологии. Его исследование может привести к открытию интересных внутренних законов развития словарного состава языка” [7, с. 152].

Возникновение омонимов в результате распада полисемии известно в лингвистике давно. Первым обратил внимание на возможность образования новых слов в связи с распадом былой полисемии Ш. Балли. Им же предложен термин “семантические омонимы”, которым пользуется большинство лингвистов. Ряд исследователей пользуются термином “гомогенные омонимы”, а также “генетически связанные омонимы” [2, с. 48–49; 9, 8; 18, с. 227].

Происхождение полисемантизма слов связано с дифференциацией мышления: из диффузных, нерасчленённых понятий вследствие развития сознания людей, вызванного процессом их общественно-производственной практики, выделялись ряды более определённых понятий, относившихся к отдельным сторонам, частям или деталям нерасчленённого комплексного понятия. Так как изменение формально-звуковой стороны языка, как правило, отстаёт от изменения его содержания, то новые значения слов могли долгое время ассоциироваться с теми же самыми звуковыми словами, которые означали более старые, диффузные понятия. В результате число различных (но генетически между собой связанных) значений одного и того же слова могло (и в отдельных случаях весьма значительно) увеличиваться. Как известно из работ Н.Я. Марра, полисемия представляет собой одну из характерных черт древнего состояния языка.

С течением времени отдельные значения слова всё больше расходятся, постепенно утрачивается связь между ними, в результате происходит распад многозначного слова, который приводит к возникновению омонимов. Лексические значения таких слов не остаются неизменными – они развиваются. Причины этого развития нужно искать в изменении отражаемой языком жизни, в развитии мышления и сознания человека, наконец, в многосторонней зависимости слов друг от друга внутри самого языка. Изменение жизни, возникновение в ней новых предметов и явлений часто делает необходимым переосмысление слова, то есть развитие в нём нового значения. Развитие человеческого мышления, всё глубже, полнее и точнее отображающего действительность вызывает, например, увеличение количества слов с отвлечёнными значениями, широко применяемых в науке: отношение, понятие, взаимодействие, влияние, выражение и так далее.

Как показывает на материале французского языка Е.И. Амосенков, возникновение семантических омонимов на основе полисемии обуславливают разнообразные причины:

- 1) изменения, происходящие в общественной жизни народа;
- 2) архаизация первоначального значения слова;
- 3) использование общеупотребительных слов для названия различных научно-технических понятий на

основе сходства внешних признаков (если лёгший в основу наименования признак оказывается чисто внешним, несущественным, смысловая связь нарушается, и исходное слово и производный от него термин оказываются омонимами).

При решении вопроса, связанного с определением омонимических пар, образованных путём распада полисемии, лингвисты сталкиваются со значительными трудностями. “Причина состоит, – пишет Д.Н. Шмелёв, – как в неоднородности самих процессов семантического распада слова (кроме всего прочего, соответствующий процесс может быть и близким к завершению в одних случаях и только намечается в других), так и в существовании различных точек зрения на отдельность и тождество слова, на то, какие видоизменения слова (формальные и семантические) целесообразно считать тем же самым словом” [17, с. 68].

Мысль о возможности возникновения омонимов на базе распада полисемантичных слов высказывалась в общем языкознании неоднократно. Ещё в 1927 году в статье “Из жизни омонимов” [4, с. 53] Л.А. Булаховский писал о возможности такого явления, когда ветви старых значений слова перестают восприниматься как связанные друг с другом, и “только остроумие этимологов помогает ещё перебрасывать между ними необходимые психологические мосты”: *точить воду и точить нож, огонь тухнет и мясо тухнет* – выступают в сознании вполне обособленно. “Разветвлениям основных значений, далеко отошедшим друг от друга, – пишет учёный, – угрожает участь омонимов” [4, с. 54], а в 1954 году во “Введении в языкознание” формулирует эту мысль так: “Абсолютной границы между многозначностью и омонимией слов нет” [5].

Так же расценивает отношения между полисемией и омонимией В.В. Виноградов. “В истории языка происходят постоянные смещения семантических границ слова, – пишет он. – Непрерывно протекают процессы превращения лексико-фразеологических форм слова в отдельные слова – омонимы, и, напротив, слияние омонимов в системе форм одного слова” [6, с. 43].

Эту точку зрения разделяют и многие другие языковеды. Закономерным считают процесс возникновения омонимов на основе распада полисемии В.Д. Аракин, О.С. Ахманова, Р. Бекджанова, Р.А. Будагов,

Е.М. Галкина-Федорук, А.А. Гасанов, З.М. Мусабаева, С.И. Ожегов, А.А. Реформатский, Б.С. Салимгареева, А.И. Смирницкий и другие. Положение об омонимии такого рода довольно прочно вошло в вузовские учебники по общему языкознанию. Попытались реализовать эту точку зрения в словарях и лексикографы.

Противоположную точку зрения высказывал В.И. Абаев. По его мнению между омонимией и полисемией нет ничего общего, никаких точек соприкосновения. Полисемия никогда не может стать омонимией, и наоборот. Обосновывая невозможность “смешения” омонимии и полисемии, В.И. Абаев утверждает, что в основе такого смешения лежит лингвистическое представление о том, что всякое новое употребление слова есть новое слово, а отсюда – всякая полисемия является в то же время омонимией. Второе его возражение таково: смешение омонимии и полисемии вызвано синхронным подходом к вопросам лексики. В кривом зеркале синхронного подхода искажаются подлинные отношения между фактами языка. Снимается вопрос о преемственной связи значений внутри языкового коллектива, предаётся забвению история языка. И третье возражение: тот, кто стал на путь расширения омонимии за счёт полисемии, никогда не может сказать, а главное доказать, где нужно остановиться. Полисемия имеет множество видов, степеней, градаций. Провести границу между ними чрезвычайно трудно; произвол и субъективизм здесь неизбежен [1].

Сторонники исторической омонимии неоднократно обращали внимание на процессы деэтимологизации в языке. Деэтимологизация – это утрата представления о родственности слова по отношению к другим словам данного этимологического гнезда. Слово *ошеломить* не соотносится в нашем сознании со словом *илем*, *порошок* – со словом *порох*, *мешок* со словом *мех* и так далее. Процесс деэтимологизации может затронуть и значение многозначного слова, вызвав полную утрату представления о его родственности, о его связи с другими значениями этого слова. Процесс деэтимологизации в слове затрагивает целостность слова как семантической единицы, определяющей чертой которой является смысловое единство [11, с. 43].

При решении проблем омонимии (как впрочем, и других проблем языка системы) следует строго различать историю языка и его современное состояние. Приводя примеры “семантических омонимов” (*месяц* – луна и *месяц* – 1/1 часть года; *совет* – наставление и *совет* – орган государственной власти и др.), С.М. Потапов пишет: “С точки зрения исторической лексикологии каждая приведённая пара слов есть не что иное, как выражение разных значений одного слова, с точки же зрения говорящих на русском языке сейчас это разные слова” [14, с. 225–226].

Путь обогащения лексики в результате распада полисемии в тюркологии обозначается термином “лексический приём” [8, с. 89; 10, с. 76; 13, с. 262].

Учитывая вышеизложенное, можно выделить следующие пути возникновения семантических омонимов в крымскотатарском языке:

а) перенос значений слова по сходству признаков, формы, движения и других особенностей предметов или явлений на другие предметы и явления. Например:

– по внешнему сходству: *шыра* – “сок” (юзюм шырысы – виноградный сок) и *шыра* – “бот. медвяная или медовая роса – слизистое выделение на растениях (болезнь растений)”; *богъаз* – “горло” и *богъаз* – “пролив”; *бич* – “кроить” и *бич* – “кастрировать” (производные бичмек I и бичмек II);

– по сходству формы: *топ* – “мяч”, *топ* – “ядро, пушка” *топ* – “пучок”; *арпачыкъ* – “зёрнышко ячменя”, *арпачыкъ* – “ячмень на глазу” и *арпачыкъ* – “лук-севок”; в том числе (по другим ассоциативным признакам)

– на основе сходства характера: *бурун* – “нос” и *бурун* – “прежде, раньше, сначала, перед” и др.

– по смежности: *кунь* – “солнце” и *кунь* – “день”; *къол* – “рука” и *къол* – “подпись”;

– по сходству: *уйдурмакъ* – “настроить, подогнать” и *уйдурмакъ* – “выдумать, выдумывать”; *къурулыш* – “строй” и *къурулыш* – “постановка”; *къурум* – “общество, лига” и *къурум* – “строй” (*къурум* – “сажа”) и др.;

б) перенос значения вследствие ассоциации по функции. Появление новых переносных значений таких омонимов на предметы вызвано жизненной необходимостью, общественным развитием. Оно имеет место “во многих случаях, когда явление культуры в процессе труда видоизменяется, а его название удерживается прежнее, или когда культурный предмет исчезает, сменяясь другим, название же сохраняется в виде пережитка за преемственным предметом культуры” [3, с. 137]. В этом случае название одного предмета, орудия механически переносится на другой, более современный. Вот конкретные примеры: в старое время словом “*дегирмен*” обозначали примитивную ручную мельницу, но и механизированная мельница, ничего общего не имеющая с первой по своему устройству, но схожая с нею по функции, также называется “*дегирмен*”.

Другой пример. В древности слово “*чыракъ*” означало простой глиняный или каменный светильник-плошку, который наполнялся растительным маслом; современная электрическая лампа, ассоциируемая по функции с древним светильником, также называется “*чыракъ*”.

В современном крымскотатарском, киргизском, казахском и некоторых других языках понятия “часть тела” и “член организации” передаются одним и тем же словом; крымскотатарское *муче*, киргизское *муча*, казахское *муше*. Несмотря на недавнее появление этой полисемии (во второй половине XIX в. понятие “член организации” вошло в крымскотатарский язык из русского), уже сейчас для многих носителей крымскотатарского языка этимологическая связь между словами *муче* – “часть тела” и *муче* – “член организации, коллектива” оказалась утерянной. То же самое можно сказать о полисемантическом слове *бас* – “давить, затопить, покрыть сплошь сверху” и *бас* – “печатать” (производные от бас–: басма (краска) и басма (печать, узор, промокашка, оттиск). Такая же судьба ждёт и *эз* – “мять, давить” и *эз* – “угнетать, эксплуатировать”.

ровать”. Эти и другие слова, употребляющиеся в разных значениях на основе отдалённого сходства представлений, могут, как и крымскотатарское *муче*, со временем стать словами–омонимами, сходными фонетически, но разными по значению, и этимологическая связь не будет осознаваться говорящими.

К этой группе относятся омонимы, образованные в результате семантического развития слов, из которых одно слово является термином, а другое – общелитературным словом. В связи с этим А.А. Реформатский писал: “Один и тот же термин входит в разные терминологии данного языка, что представляет собой межнаучную терминологическую омонимию, например, реакция 1) в химии, 2) в физике, 3) в политике; ассимиляция 1) в этнографии, 2) в фонетике и др.” [15, с.110]. В результате семантического перемещения эти единицы, употребляясь как термины и как обычные слова, образуют омонимы, функционирующие в пределах разных языковых подсистем.

Между терминосистемами и общелитературной лексикой имеется постоянный контакт, происходит непрерывный обмен, существует тесное взаимодействие; общелитературное слово, приобретая более специальные значения при терминологическом осмыслении, ещё дальше отходит от своего первоначального источника. Ассоциативные связи слов приводят к тому, что слова (и термины) из специальных сфер применения переходят в другие сферы употребления, и в результате семантических изменений основная масса подобного рода терминов образует фонд “межнаучной терминологической омонимии”.

Отметим, что разрыв семантической связи между значениями многозначного слова и образование омонимов имеют свои последствия, подтверждающие, что распад полисемии произошёл: так, каждый член омонимического ряда может иметь свой синонимический ряд, и между этими синонимическими рядами нет никакого смыслового соприкосновения; каждый член омонимического ряда способен создавать свой словообразовательный центр или гнездо; фразеологическое окружение, если оно имеется, различно у всех членов омонимического ряда, и другие последствия [16, с. 37–41].

Семантическим омонимам обычно противопоставляются омонимы этимологические, возникающие не вследствие разрыва значений многозначного слова, а вследствие случайного звукового совпадения разных слов, принадлежащих разным языкам или одному и тому же языку.

Процессы формирования омонимов на базе полисемии и на базе случайного совпадения по звучанию слов разного происхождения приводят к сходным результатам. Для омонимов характерен именно разрыв смысловых связей (конечно, с учётом того, что перед нами всё же будут два образования от одного корня); немотивированность значений при попытке объединить их вместе. Всякие промежуточные стадии и ступени должны трактоваться лишь как факты ослабления смысловых связей в пределах полисемантического слова.

Видимо, полных омонимов, возникших из прежней полисемии, будет не так уж и много. Но это будут те случаи, не отметить которые в словаре современного языка, подать как одну лексему будет так же неправильно, как объединить этимологически разные слова.

Поскольку, как уже говорилось, основным признаком распада полисемии является разрыв семантических связей, а само понятие разрыва семантических связей истолковывается различно, то в разных словарях омонимы отражены по–разному – от слишком суженной картины до неоправданно расширенной. Между тем, выделение омонимов в словаре должно опираться на смысловую структуру только того состояния (периода развития) языка, которое в нём отражается.

Итак, проследивая процесс возникновения и развития омонимов на базе значений бывшего единого слова, можно убедиться в том, что распад слова на омонимы представляет собою очень длительный и сложный процесс, а поэтому на любом этапе мы встречаем в языке омонимы в разных стадиях развития – частичные и полные, окончательно оформившиеся и находящиеся в процессе становления – и с разной степенью их семантической разобщенности, поэтому дифференцировать омонимы и разные значения одного слова можно только исходя из истории их развития и характерных особенностей данного языка.

Источники и литература

1. Абаев В.И. О подаче омонимов в словаре // Вопросы языкознания. – 1957. – № 34. – С. 31–43.
2. Аракин В.Д. Об омонимах в турецком языке // Советская тюркология. – 1978. – № 2. – С. 48–61.
3. Богородицкий В.А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками / Под ред. чл.–кор. АН СССР проф. Н.К. Дмитриева. – 2–е изд. – Казань: Татгосиздат, Ред. науч.-техн. лит., 1953. – 220 с.
4. Булаховский Л.А. Из жизни омонимов // Русская речь. Нов. сер. Вып. III. – 1928. – С. 47–60.
5. Булаховский Л.А. Введение в языкознание. Ч. II. – М.: Учпедгиз, 1954. – 174 с.
6. Виноградов В.В. О формах слова // Известия АН СССР, отделение литературы и языка. – 1944. – Т. 3. – С. 43–47.
7. Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – 307 с.
8. Гасанов А.А. Омонимия в азербайджанском языке: Дисс... канд. филол. наук. – Баку, 1980. – 337 с.
9. Гельдымурадов А. Критерии определения лексических омонимов в туркменском языке: Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Ашхабад, 1974. – 27 с.
10. Гулямова Н.Г. Русские лексические заимствования в узбекском языке. – Ташкент: Изд-во Фан Узбекской ССР, 1985. – 112 с.
11. Дискуссия по вопросам омонимии на открытом заседании учёного совета Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР // Лексикографический сборник. – М.: ГИС, 1960. Вып. IV. – С. 35–92.

12. Малаховский Л.В. Омонимия слов как абсолютная лингвистическая универсалия // Иностранные языки в высшей школе. Вып. 12. – 1977. – С. 94–98.
13. Орузбаева Б.О. Словообразования в киргизском языке. – Фрунзе: Илим, 1964. – 311 с.
14. Потапов С.М. К вопросу об омонимах // Учён. записки Вильнюсского гос. ун-та, 26. Языкознание. – 1958. – № 1. – С. 225–226.
15. Реформатский А.А. Введение в языковедение. Изд. 4-е. – М.: Просвещение, 1967. – 542 с.
16. Саттарова З.М. Виникнення етимологічних омонімів у сучасній кримськотатарській мові // Мова і культура. – К.: Видавничий центр Д. Бурого. – 2002. – Вип.5. – Т. 3. Ч. 2. – С. 139–143
17. Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). – М.: Наука, 1973. – 278 с.
18. Юлдашев А.А. Принципы составления тюркско-русских словарей. – М., 1972. – 286 с.

Сейтягьяев Н.С.

АВТОРЫ И СФЕРА БЫТОВАНИЯ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ XV – XVIII вв.

Обратиться к рассмотрению вынесенной в заголовок проблемы нас заставило утверждение Ф. Хартахая (вторая треть XIX в.) о бедности исторической литературы крымских татар. «Занятие светской литературой не считалось занятием почетным, не давало писателям средств к существованию и, поэтому, было делом досуга, – писал он в «Исторических судьбах крымских татар». – Книги недуховного содержания не имели запроса в публике, и автор должен был отдать им свой досуг только из любви к искусству. Оттого, во всяком мусульманском государстве светская литература и наука могли процветать только при покровительстве государей; золотые времена персидской и арабской литературы и науки всегда совпадали с царствованием какого-нибудь умного и могущественного государя. Крымские ханы не могли быть такими покровителями; они были бедны и, притом, часто низвергались с престола» [11, с. 157]. После Ф. Хартахая проблемы авторства крымских исторических хроник вскользь коснулся О. Акчокраклы [1]. После него она специально не рассматривалась. Поэтому единственным авторитетным утверждением по данному вопросу до самого последнего времени оставалась приведенная цитата. Исходя из этого, мы попытались разобраться в сути проблемы.

Вопрос **сферы бытования** произведений крымскотатарской исторической прозы тесно связан с ее основными особенностями. Крымскотатарская историческая проза представлена произведениями историко-литературных и биографических жанров *теварих*, *вак'а-наме*, *шах-наме* и *терджиме*. Сегодня их известно около двадцати. Примерно половина из них дошла до наших дней [9, с. 29 – 30]. Географические трактаты или книги путешествий (*сеяха-наме*) XV – XVIII вв. в национальной литературе, по крайней мере до сих пор, не обнаружены. Сейид Мухаммед Риза (XVIII в.) сообщает, что в «Сборнике происшествий» крымского историка конца XVII в. – начала XVIII вв. Месуда-эфенди содержался рассказ о посольстве в Иран, в котором автор принимал участие, а в добавлении (*зейль*) к этому сочинению – описание его приключений [18, с. 116а, 125б]. Речь идет о произведениях жанров *сефарет-наме* и *сергюзеит-наме*. Однако они не дошли до наших дней.

В придворной прозе Крымского ханства, как и в прозе родственной ей османско-турецкой придворной литературы, исторические сочинения представлены наиболее широко и наиболее яркими образцами. Как и в литературах других народов крымскотатарские исторические сочинения вплоть до начала XIX в. считались произведениями литературных жанров [4, с. 150; 6, с. 98; 10, с. 486; 21, с. 214].

Важной особенностью крымских исторических сочинений обозначенного периода является их династичный характер. Практически все сочинения освещают историю правящего рода. В первое столетие существования ханства, в продолжение золотоордынских традиций, ведущая роль принадлежала произведениям, повествовавшим о правителях-джучидах. После утверждения новой династии, где-то с начала XVI в., историография Крымского ханства переходит к обслуживанию рода Гираев. Национальные исторические сочинения этого времени создавались специально для правителей или для их ближайшего окружения.

Сфера бытования произведений крымскотатарской исторической прозы XV – XVIII вв. во многом определялась их практическим назначением. Необходимость создания исторических сочинений в Крымском ханстве, как и в других государствах этого времени, диктовалась, прежде всего, вопросами наследования престола и дипломатической практики. Примером сочинения, созданного исходя из этих потребностей, может быть «История татарского хана ...» Ибрагима Кефеве. В ответ на письмо члена Верховного тайного совета при Петре II (1727 – 1730) А.И. Остермана к великому султанскому визирю с претензиями к действиям крымских татар он пишет, что «все “Истории” сообщают, что с древности и до последних дней московский царь и подчиненное ему племя были под властью падишахов Дешт-и Кипчака, были его подданными и пленниками. Сегодня же все права на звание правителей Дешт-и Кипчака принадлежат крымским ханам, происходящим из рода Джучи-хана, старшего сына завоевателя мира Чингиз-хана» [22, с. 5б].

Были и другие причины для создания крымскотатарских исторических сочинений. Особое расположение средневековых тюркских правителей, распространивших в X – XI вв. свою власть на обширные пространства мусульманского Востока, к историкам из числа подвластных им оседлых народов было связано с этнопсихологическими особенностями тюрков. Автор «Послания аль-Фатху ибн Хакану о достоинствах